

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 230–238.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 230–238.

Научный обзор

УДК 81

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-19>

<https://elibrary.ru/nwhoyx>

Язык Петровского времени (к выходу новой книги профессора Г. В. Судакова)¹

Олег Викторович Никитин

Государственный университет просвещения,

Москва, Россия

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация. Научный обзор посвящен представлению и критическому анализу новой книги Г. В. Судакова «Русский язык Петровской эпохи: монография» (Вологда, 2025). В работе обращается внимание на ценность изучения словесной культуры этого периода в контексте становления русского литературного языка и его региональных особенностей; говорится о том, что особое внимание автор обращает на проблемы лексикологии (названия хлеба, напитков), речевого этикета, просторечия, а также указывается, что ученый последовательно придерживается диахронического подхода в исследовании историко-культурных реалий языка, рассматривает генезис и динамику отдельных лексико-семантических групп. Большой интерес для читателей представляют наблюдения Г. В. Судакова над языковыми личностями Петровской эпохи. Для исследования привлекаются новые источники, среди которых редкие документы и тексты XVIII века, показывающие богатство жанрового состава литературного языка и его функциональные возможности. Монография расширяет сведения о языке Петровской эпохи и ее культурно-языковых традициях, имеет практическое значение как ценный источник для изучения истории русского литературного языка XVIII века. Ее материалы могут быть использованы в словарной практике.

Ключевые слова: Г. В. Судаков, Петровская эпоха, история русского литературного языка, лексикология, речевой этикет, просторечие, языковая личность

Для цитирования: Никитин О. В. Язык Петровского времени (к выходу новой книги профессора Г. В. Судакова). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 230–238. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-19>; EDN: NWHOYX

© Никитин О. В., 2026

¹ Судаков Г. В. Русский язык Петровской эпохи: монография. Вологда: Вологодский государственный университет, 2025. 155 с.

The language of Peter the Great's time
(for the release of a new book by professor G. V. Sudakov)

Oleg V. Nikitin

Federal State University of Education,
Moscow, Russia

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. The scientific review focuses on the presentation and critical analysis of G. V. Sudakov's new book "The Russian Language of the Peter the Great Era: Monograph" (Vologda, 2025). The review highlights the importance of studying the verbal culture of this period in the context of the development of the Russian literary language and its regional characteristics. The author emphasizes the significance of lexicology (the names of bread and beverages), speech etiquette and substandard language. It is noted that the researcher consistently adheres to a diachronic approach in studying the historical and cultural realities of the language and examines the genesis and dynamics of individual lexical and semantic groups. G. V. Sudakov's observations on the linguistic personalities of the Peter the Great era are of great interest to readers. It is emphasized that the study involves new sources, including rare documents and texts from the 18th century, which demonstrate the richness of the literary language's genre composition and its functional capabilities. It is emphasized that the monograph expands the knowledge about the language of the Peter the Great epoch and its cultural and linguistic traditions. The analyzed book is of practical importance as a valuable source for studying the history of the Russian literary language of the 18th century. Its materials can be used in dictionary practice.

Keywords: G. V. Sudakov, the Peter the Great era, history of the Russian literary language, lexicology, speech etiquette, substandard language, linguistic personality

For citation: Nikitin O. V. The language of Peter the Great's time (for the release of a new book by professor G. V. Sudakov). *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 230–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-19>; EDN: NWHOYX

Введение

Изучение истории русского языка XVIII века имеет принципиальное значение для всей лингвистической парадигмы национальной картины мира, поскольку выявляет ключевые элементы и факты, формировавшие лицо нашей науки в XIX столетии и даже позднее. Несмотря на большие усилия филологов прошлого (В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Н. Н. Дурново и др.) и нынешнего (А. М. Камчатнова, В. В. Колесова, Т. С. Садовой, Б. А. Успенского и др.) времени, XVIII век до сих пор остается недостаточно изученным. В основном исследования этого периода касались анализа научного языка и терминосистем, лексикографии, филологических трудов крупнейших поэтов и писателей, вопросов становления грамматической системы, стилистики. Последним по времени значимым трудом в этой области надо признать «Словарь языка М. В. Ломоносова»¹ – тезаурус, который наиболее полно описывает языковую личность выдающегося ученого и в этом контексте показывает нам особенности словесного менталитета образованного общества. Однако развитие русского литературного языка на местах происходило далеко не всегда по «законам

¹ *Словарь языка М. В. Ломоносова*, под редакцией С. С. Волкова, А. С. Смирновой, М. Г. Шарихиной. Том 1 (А). Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. 948 с.

грамматики» М. В. Ломоносова и опиралось на свои письменно-деловые традиции. В этом смысле поиск и изучение фактов *региональной* речевой коммуникации, а также анализ местных памятников могут дать много ценной информации для *системного* изучения литературно-языковых процессов XVIII века: становления деловой сферы, обсуждения статуса просторечия, выявления ярких личностей того времени и создания их языковых портретов, наблюдения над живой коммуникацией и канцеляритом, народной речью, фразеологией и т. д. Книга Г. В. Судакова только приоткрывает нам тайны XVIII столетия и рассказывает об интересных языковых ситуациях и культурных явлениях, которые получили в науке неоднозначную интерпретацию и нуждаются в обсуждении.

Основная часть

Книга посвящена проблемам развития лексики русского языка Петровской эпохи (1690–1724 гг.), а также вопросу становления норм литературного языка русской нации. Для анализа привлекаются новые источники, что обусловлено развитием сфер употребления и расширением жанрового состава литературного языка (например, рассматривается эволюция этикета устного общения и оценивается вклад Петра I в становление новых норм и правил придворного этикета). В книге также говорится о роли государственного секретаря А. А. Макарова в практике управления – «А. А. Макаров как творец языковой личности Петра». Весьма ценно, что Г. В. Судаков касается проблемы просторечия в развитии общерусской полифункциональной разновидности литературного языка. Заметим, что статус этого явления до сих пор не определен, а применительно к эпохе XVIII века – размыт и изучен довольно слабо. Г. В. Судаков одним из первых в историко-лингвистической традиции подчеркивает важность определения категории просторечия в системе литературно-языковых средств и отмечает его роль в становлении новой словесной традиции в это время. В частности, он оценивает факт создания литературного текста на базе просторечия, анализирует употребление лексико-фразеологических средств, характерных для русского застолья, – устойчивой в национальном лексиконе группы названий хлебных изделий, а также тематической группы напитков: прохладительных, сладких и алкогольных, – которые одновременно повлияли на названия питейных сосудов, на формирование закусочного стола и на текст заздравного слова. В монографии исследуются генезис и динамика отдельных лексико-семантических групп, и в целом дается лингвокультурологическая характеристика языка Петровской эпохи с позиции региональной традиции.

Коснемся более подробно некоторых из указанных нами проблем. Прежде всего – вопроса о речевом этикете в Петровскую эпоху. Г. В. Судаков исследовал иноязычные лексиконы и грамматику И. Копиевича, в которых были закреплены формулы этикета. Так, он пишет: «В иллюстративном материале грамматики Лудольфа (1696 г.) есть раздел “Розличние речи простие”, где представлены приветствия и благодарности: “Здравствуи; Как тебя богъ милует – Спасибо, я не гораздо здо-

ровъ”¹. Показательны примеры из книги И. Копиевича, обогатившие язык несколько вычурными оборотами и конструкциями, в которых присутствуют синонимические формулы разных типов приветствий: «1) пожелание добра: *Добрый день. – Слава Богу (Слава творцу небесному); Желаю тебе добраго дня – Такова жъ и я тебе желаю; Буди тебе добро севодне (Сей вечеръ буди тебе щасливый) – И тебе не худо буди (И тебе благополучныи);* 2) пожелание здоровья: *Здравствуи – Здравствуи и ты; Зело здравствуи – И ты толико здравствуи; Здравъ буди ты – Ты такожде здравствуи; Здравия тебе желаю – Тако жъ и я тебе желаю; Здравиемъ ты дарю – Я тебя такожъ; Повелеваю ты здравствовать – Я такожде тебя*» (там же). Известно, что И. Копиевич жил за границей и писал свой труд в инофонной среде, поэтому некоторые фразы нельзя признать «живыми» – это искусственно составленные «речи». Но тем не менее они показывают «сценарий», по которому развивался русский этикет. Г. В. Судаков по этому поводу замечал, что «русское приветствие с пожеланием добра или здоровья – это скорее благопожелание, чем простое приветствие, причем реплики собеседников обязательно содержат повторы, они симметричны и синтаксически, и семантически» (там же).

Интересным источником для изучения этикета, по мнению ученого, является «Русская грамматика» Лудольфа, в которой большое место занимают диалоги – образцы подлинной речи. Это и благопожелания, и просьбы, и прощения, и вежливые приглашения. Особый интерес у Г. В. Судакова вызвали сюжеты этой книги, в которых представлены застольные этикетные формулы. В них выражение благодарности получило двоякое исполнение: «1) хозяин благодарит гостя за посещение: *То твое пожалование, что с нами запростъ удовольиться изволил; Челомъ быю за любовь;* 2) гость благодарит хозяина за сытный обед: *Слава Богу, я довольно елъ, я сытъ*» (с. 14).

Автор книги не без основания полагает, что многие этикетные обороты и в начале Петровской эпохи сохраняли связь с Московской Русью, которая была законодательницей словесной культуры и в таком тонком вопросе, как языковое общение: «В речевом этикете донационального периода ярко проявляются важнейшие ценности русской культуры: общинность, общительность, гостеприимство, эмоциональность, духовность, скромность. Вся система приветствий, обращений, благопожеланий, формул просьб и извинений, застольного этикета – это динамичное сообщество речевых оборотов, где под влиянием социально-культурных изменений актуализируются одни обороты и отправляются в архив истории другие» (с. 14).

Не менее интересны наблюдения Г. В. Судакова над придворным речевым этикетом и личностью Петра I – устроителя новой моды. Ученый анализирует «Царский указ 1700 года о “бесчестных” словах», в котором были приведены негативные лексемы и обороты, иллюстрировавшие словесные границы дозволенного и подсудного. Например: «1) *вольно тебе лаять*; 2) *называл щенком турецким (шпынкомъ турецкимъ)*; 3) *ис-под печки де тебя вытащили (изъ подъ бочки тебя тащили)*; 4) *не Воротынской де ты: пехаешь (лаешь)*; 5) *ребенком*; 6) *щенчишком боярским...*

¹ Судаков Г. В. *Русский язык Петровской эпохи: монография*. Вологда: Вологодский государственный университет, 2025, с. 12. Далее в тексте ссылки на книгу даются в круглых скобках.

(*сынчишкомъ боярскимъ*)» (с. 21). Показательно, что в этот ряд попало имя реального полководца XVI века – Воротынского, который таким образом закрепился в речевых характеристиках и получил метафорическое осмысление. Г. В. Судачов в связи с этим замечал: «Знаменателен и факт упоминания имени Воротынского во фразеологии: фраземы живут долго, а персоналии и события, в них упоминаемые, попадают в национальную мифологию. Упоминание персоны в мифе – это народное признание, оно дороже государственной награды» (с. 22). Обороты типа *щенчишко боярский, черти тебе сказывают* имеют отрицательную коннотацию. В первом случае таким маркером стал уменьшительно-ласкательный суффикс, подчеркивающий «малозначимый статус человека» (с. 24). Во втором примере, по мнению ученого, утверждается: «недобрые поступки, совершаемые кем-либо, – это волеизъявление нечистой силы, овладевшей сознанием человека» (там же).

В анализируемом указе отмечены и другие колоритные высказывания, которые следует причислить к «бесчестным» словам, например: *Отец твой лаптем щи хлебал*. Автор монографии считает, что это просторечное и пренебрежительное выражение рано получило значение «жить в нищете, прозябать в невежестве, в отсталости и косности». В тексте также встречается и оборот *отец твой лапотник*. По этому поводу ученый писал: «Два разных фразеологических оборота (*Отец твой лапотник; Отец твой лаптемъ щипи хлебаль*) имеют семантическую связь, где особо значимо слово *лапотъ*, имеющее семы “бедность, безделье”. Ныне упоминание отца в этой формуле практически потеряло смысл. Раньше попираие чести родителей считалось особенно сильным оскорблением. В Московской Руси понятия *семья, родня, родители* были чрезвычайно значимы. Принадлежность к определенному роду – это знак на всю жизнь. Почему *хлебал лаптем*? Потому что у такого никчемного человека в хозяйстве не было даже простой деревянной ложки, которую обычно умел делать любой мужчина» (с. 25).

Инициативы Петра I получили отклик в обществе, в которых устанавливались новые условности и нормы речевого поведения. По крайней мере, можно назвать еще три источника, где данная проблема была в центре внимания: «Приклады, како пишутся комплименты разные» (1708), «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717), «Воинский Артикул» (1715). Г. В. Судачов полагает, что специальные пособия по речевому этикету, а также воинские циркуляры стали определять «политику вежливости», впервые затрагивали вопрос о чести офицера и др. (с. 27–28).

Данная область литературно-языковых «упражнений» действительно говорит о многом: меняются устои жизни, которые требуют других словесных «законов». Можно согласиться с автором книги, что указ Петра I о «бесчестных словах» демонстрирует его внимание «к различным ситуациям устного и письменного общения, является попыткой влияния на речевой этикет в соответствии с требованиями времени, отражает стремление приблизить коммуникативный ритуал реформируемой России к европейской речевой практике. Сам факт появления на этот счет официального документа показателен, поскольку это одна из первых сознательных реакций власти на специфику речевого общения, что является одним из свидетельств

начала национального этапа в формировании общегосударственных норм русского литературного языка» (с. 29).

Личность А. В. Макарова, ведавшего канцелярией Петра I, интересна для нас тем, что многие указы императора были написаны рукой его ближайшего помощника. Кроме того, как сообщает Г. В. Судаков, А. В. Макаров «вел обширную переписку Петра I с дипломатами, коллегиями, Синодом и Сенатом, местными властями, принимал челобитные на имя царя. Пользовался особым доверием Петра и вел все дела секретные и такие, которые не следует знать Сенату» (с. 42). Ученый отмечал и книжные способности А. В. Макарова, который не замыкался только на делах государственного масштаба: он «принимал участие в подготовке сборника реляций о победах над шведами “Книга Марсова” (1713), участвовал в редактировании “Истории Свейской войны” (1713–1725), продолжал сбор материалов и после смерти Петра. Таким образом, кабинет-секретаря Петра можно считать одним из первых русских историков» (с. 43). Приводимые далее сведения из его биографии очень познавательны и свидетельствуют о том, что в дальнейшем личные документы А. В. Макарова (вологжанина по рождению) могут стать предметом историко-культурного и лингвистического анализа.

Много места в монографии ученый уделяет феномену просторечия, его взаимодействию с разговорной речью, литературным языком и включенности в художественный текст. Основной вопрос, на который пытались ответить историки языка, – «когда появилось просторечие?» – до сих пор остается открытым. Как считает Г. В. Судаков, «лексические процессы, связанные с формированием просторечия, начались раньше, в Петровскую эпоху» (с. 49). Он указывает на то, что среди ученых нет единой точки зрения: например, Е. В. Генералова ставила вопрос о более раннем формировании лексики просторечного характера – с конца XVI века. Она принимала во внимание прежде всего такую характеристику этого явления: «набор стилистически окрашенных языковых средств, что является основой будущего просторечия как функциональной подсистемы» (там же). Согласимся здесь с Г. В. Судаковым в том, что эта категория имела «исторически подвижный статус» (там же). Это значит, что единых маркеров просторечия и для определенных жанров, и для разных эпох быть не может: для одного времени слово могло быть разговорным, для другого – просторечным. Изменчивость стилистического рисунка слова тоже, очевидно, влияла на «квалификацию» просторечия. Но независимо от этого важно то, что Г. В. Судаков, Е. В. Генералова и другие исследователи внимательно наблюдают за этим явлением и стараются найти наиболее оптимальное решение. Возможно, издаваемый сейчас «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», содержащий богатую и разнообразную коллекцию текстов (преимущественно бытового и делового содержания), подскажет, как корректно вычленить эту категорию из состава общенародного языка.

Из художественных произведений, которые, как полагает Г. В. Судаков, содержали просторечные элементы, он выделил «Повесть о Фроле Скобееве», представляющую собой «форму бытовой истории». Она «начинается с описания святочных гуляний и переодеваний молодежи, но чудес в ней нет» (с. 54). К числу просторечных лексем и фразеологизмов ученый относит: *стараться о тебе, просить на тебя*,

просить о твоей ко мне обиде и т. д. Автор книги отмечает, что в повести зафиксированы многочисленные примеры просторечных глаголов: *воротить* ‘вернуть’, *пообожда́ти* ‘немного подождать’, *разгаваривать* ‘отговаривать’, *спознаться* ‘познакомиться, сойтись с кем-л.’; *уходить* ‘убить’, *признать* ‘узнать’, *проведа́ть* ‘узнать, навестить’, *промота́ть* ‘израсходовать зря, неразумно’ (с. 55–56). В тексте также отмечаются элементы просторечия из сферы «мыслительная деятельность»: *умысли́ть* ‘замыслить’, *взять себе намерение* ‘решить, вознамериться’ (с. 56).

Какие же выводы делает ученый? Г. В. Судаков определил конституирующие свойства просторечия XVIII века. К ним он отнес следующие признаки: «общерусское распространение, употребление в устно-разговорной речи, оценочная семантика и эмоционально-экспрессивная окраска как отличительная стилистическая примета» (с. 61). Кроме этого, опознавательными признаками просторечия, как считает ученый, являются специфическая лексика и фразеология, а также модели предложений типа *стараться о тебе, придти на разговоры*, конструкции с причинно-следственным значением (*для того что*). Очень важна, по мнению Г. В. Судакова, речевая основа текста. Для просторечия – устный рассказ (с. 63–64). Конечно, указанные свойства касаются анализа конкретной повести. В других текстах маркеры могут быть иными. Но все же, как нам кажется, ученый благодаря своей филологической интуиции, правильно определил вектор исследования этой категории.

Большой интерес вызывают разделы книги, в которых рассказывается о бытовой лексике – хлебных изделиях, напитках и т. д. Современному жителю города кажутся непривычными исконно народные слова: *житники, пшеничник, овсяник, гречневик* и др. (с. 77), которые в прежние времена составляли основу продуктов, изготавливаемых из зерна. Были распространены на Руси XVI–XVII веков и *караваи*, которые, как описал это в своей книге Г. В. Судаков, различались по качеству теста и способу выпечки: *«сдобный* – из сдобного теста; *просыпной, пересыпной, посыпной* – из слоеного теста; *яцкой* – его ели с медом; *молочный; крупитчатый; блинчатый; прорезной. Битый* каравай готовили из теста с добавлением масла, яиц и творога» (с. 80). В монографии приводится описание и других названий хлебных изделий: *ковриги (коврижки), колобки, кольцо, блинник, гренки* и т. д. Г. В. Судаков подчеркивает, что «варианты хлеба появились очень давно. Состав теста, использование обогатителей, а иногда и форма изделия стали причиной появления разновидностей» (с. 87).

«Напитки питательные и прохладительные» также составляли каждодневный рацион русского человека. Особенно популярен, как пишет автор монографии, был *квас*: «Квас и его производные есть практически во всех словарях XVIII века, а в XIX веке, по утверждению Пушкина, квас был одним из наиболее необходимых напитков: “Им квас как воздух был потребен” (“Евгений Онегин”)» (с. 90). Г. В. Судаков описывает такой «квасной домострой»: «Квас пили в царских палатах, в монастырских трапезных и в поле во время летней страды. Пили квас из ковшей, из братин и из чаш (чашек), а хранили в ведрах, в бочках, в мехах, в кувшинах, берестяных туесах. Эти обычаи подтверждаются многочисленными примерами в текстах» (с. 92). Квас, как подметил ученый, различался и по своему применению: «Назначение кваса подчеркивалось определениями: братский квас в монастыре – это

жидкий повседневный напиток для монастырских работников; добрый квас – густой пенистый напиток для знатного гостя» (с. 94).

Еще один кислый напиток, о котором рассказывает Г. В. Судаков, – *кисель*. Однако мы подзабыли, из каких ингредиентов он состоял. Например, *цез* – «сырая заготовка для варки киселя, это разведенная в воде овсяная мука» (там же). Любопытное пояснение делает ученый о свойствах киселя: «Кстати, овсяный кисель был вовсе не кислым, но по своему виду и вязкости вполне соответствовал понятию о киселе. Напомним, что картофельный крахмал, как и сам картофель, Россия узнала только в XVIII веке» (с. 95).

Особый интерес для исследователей, по мнению Г. В. Судакова, представляет монастырская трапеза, о составе которой можно узнать из особых источников – столовых обиходников (с. 97). В них упоминаются разнообразные виды кваса, капустный и свекольный рассолы, взвар. Последний тоже относили к напиткам. Ученый пишет о нем так: «Это был напиток, сваренный на меду, с добавлением риса и изюма (или ягод), по составу он повторял коливо. Кроме того, пили молоко пресное (свежее) или молоко вареное (топленое). Топленое квашеное молоко называлось *варенец*» (с. 98).

В книге Г. В. Судакова содержатся россыпи красивых старинных названий кушаний и напитков, которые автор извлекал как из рукописных текстов, в частности из документов Кирилло-Белозерского монастыря, так и из опубликованных источников. Все они фиксировали не только слова, а явления культуры – тот забытый ныне обиход, в котором веками жили наши предки. Изучение обозначенных в монографии проблем – не просто проникновение в повседневный круг крестьянина, это область семиотики еды, которая была связана с духовной культурой народа.

Выводы

Многогранная личность профессора Г. В. Судакова, конечно же, не укладывается только в проблематику русского языка Петровского времени, а выражается намного шире и глубже – и в других его филологических интересах и прозрениях. Главное, что рецензируемая книга дает новые сведения о составе литературного языка Петровской эпохи, а затронутые в ней вопросы содержат свежие подходы к анализу национального русского языка. Хотя ученый изучал и период Московской Руси (см. «Список научных публикаций Г. В. Судакова (2015–2025 гг.)», помещенный в монографии на с. 147–155), но именно эпоха Петра Великого и восемнадцатое столетие в целом являются предметом пристального внимания исследователя. Он почти с самозабвенной радостью от соприкосновения с рождением новой эры в истории русского языка рассказывает читателю необычные и неожиданные эпизоды из жизни слова и надеется на то, что этих открытий станет больше. Его книга убеждает нас, что Петровская эпоха определила ход дальнейшего развития национального языка. Причудливое переплетение словес, научные дискуссии и эксперименты, теоретические исследования и словари стали приметами того пестрого времени. И все же культурное пространство Петровской эпохи – и это красиво показал Г. В. Судаков – не ограничивается официальной риторикой. Народное слово, местные традиции, бытовая и духовная жизнь еще долго оставались в патриархальном «беспамятстве», сопротив-

лялись новоязу и реформам. Эта диалектная картина мира, сохранившаяся в сознании простолюдина, питала его разум и сердце, сохраняла в неприкосновенности вековые предания и обряды. Их языковая символика, эмотивность, очеловеченные образы составляют сокровищницу народной культуры, сбережению которой и посвятил свой труд Г. В. Судаков – ни на кого не похожий лингвист, возрождающий утраченное ныне обаяние великорусского слова.

Список литературы / References

Словарь языка М. В. Ломоносова, под редакцией С. С. Волкова, А. С. Смирновой, М. Г. Шарикиной. Том 1 (А). Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. 948 с. EDN: BDSKSC

The Dictionary of M. V. Lomonosov's language; edited by S. S. Volkov, A. S. Smirnova, M. G. Sharikhina. St Petersburg: ILI RAN, 2025, vol. 1 (A). 948 p. (In Russ.) EDN: BDSKSC

Судаков Г. В. *Русский язык Петровской эпохи: монография*. Вологда: Вологодский государственный университет, 2025. 155 с. EDN: ROIGPQ

Sudakov G. V. *The Russian language of Peter the Great's time: Monograph*. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2025. 155 p. (In Russ.) EDN: ROIGPQ

Сведения об авторе

Олег Викторович Никитин – доктор филологических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>, olnikitin@yandex.ru, Государственный университет просвещения (д. 10А, стр. 2, ул. Радио, 105005 Москва, Россия); **Oleg V. Nikitin** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>, olnikitin@yandex.ru, Federal State University of Education (10A, str. 2, ul. Radio, 105005 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; принята к публикации 09.06.2026.

The article was submitted 18.05.2026; Accepted for publication 09.06.2026.